

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Я. Буриан, Б. Моухова

ВЗГЛЯД В ЭТРУССКИЙ МИКРОМИР *

«Этруская проблема» в науке до сих пор еще не решена. Народ, оставивший нам богатые памятники своей высокой цивилизации; народ, некогда господствовавший над землями и водами западной части Средиземноморья; народ, возможно, заложивший и основы классической римской культуры. — остается для нас загадкой и поныне. Сохранилось много надписей на этруском языке, — а язык этот до сих пор не укладывается в рамки лингвистической классификации. Был ли это до-индоевропейский язык, быть может, близкий к кавказским языкам, как думали Н. Я. Марр и А. Тромбетти? Или это особый индоевропейский язык, близкий к древнеармянскому, фракийскому, хеттскому (В. Георгиев), либо к современному албанскому (З. Майяни, А. И. Харсекин)? Или язык сугубо смешанного происхождения (М. Паллотино). Была ли это вообще единая этническая общность или разные, соответственно разнообразным этнонимам, под какими были известны этруски; туски, тирсены, тиррены, расены, турша?...

Неясно и географическое происхождение этрусков. Потомки ли они древнейшего местного населения (культура Вилланова) или переселенцы из восточного Средиземноморья, потомки троянцев, как полагает В. Георгиев? Или — что всего вероятнее — в этруском народе и его культуре смешались местные и пришлые элементы, в его языке — языки и наречия разных лингвистических групп?

Во всяком случае, при той неясности, какая до сих пор окружает «этрusскую проблему», большой интерес* представляет каждая новая материальная находка, каждое открытие, каждый шаг в расшифровке и толковании этруских текстов. С этой точки зрения и тот живой очерк бытового уклада этрусков, какой набросали авторы настоящей статьи, на основе археологических памятников и античных свидетельств, заслуживает серьезного внимания.

*..восемнадцать красивых и больших городов,
для жизни великолепно приспособленных.*
Плутарх

* * *

Стены, возвышающиеся среди полей, замыкали в себе особый микромир этруского города. Что ни город — то мир в себе. Насколько позволяли его узкие рамки, люди уже в те далекие времена жили здесь полнокровной, яркой жизнью. Тех, кто не смог достигнуть подобного уровня жизни, привлекал прежде всего ее поверхностный, но манящий блеск. Стены охраняли ремесленников, чьи руки создавали великолепные изделия из металла, глины и других материалов. Под их защитой жили и богатые вожди, коротавшие время в пиршествах, наслаждав-

* Журнал публикует одну из глав книги чешских авторов Я. Буриана и Б. Моуховой (I. Burian, B. Mouchová, *Zahadní Etruskové*, Praha, 1966), русский перевод которой в настоящее время готовится к печати издательством «Наука». Введение к статье написано Н. А. Красновской; сю же подготовлен и список литературы.

шиеся музыкой, танцами, турнирами. Из-за стен появлялись воины в латах, нагонявшие страх на плохо вооруженные племена средней Италии. Там жили жрецы и прорицатели, умевшие предсказывать волю богов и оказывать на нее свое влияние.

Исчез ли весь этот мир? Что от него осталось?

Археологические открытия и отрывочные сведения античных историков дали нам возможность взглянуть на давно угасшую жизнь в этруских городах. Нередко эти картины были удивительно пластичны, но всегда — ограничены узкими рамками отдельных событий и очень фрагментарны и поэтому слишком односторонни. Ведь уже в древние времена посторонние взгляды, как правило, привлекала роскошь жизни богатых слоев, затмевающая куда более обыденное существование менее зажиточной части населения. И поэтому дошедшие до нас памятники рельефно рисуют главным образом жизненный уровень знатных семей.

Кроме того, почти не проводилось археологических исследований этруских городов. Все, что от их поселений осталось, покоится в земле там, где в последующие эпохи росли города или поселения, под плодородными полями, которые сначала надо выкупить и лишь после этого можно вести раскопки. Поэтому, естественно, этрускологи предпочитали вскрывать иные — лучше сохранившиеся и сулившие больше надежд на успех — объекты, например склепы и целые некрополи, которые были и до сих пор остаются наиболее богатым источником наших знаний о жизни этрусков.

Итак, что же мы все-таки о ней знаем? Из рассказов античных авторов известно, что само основание города не было для этрусков чисто технической проблемой. Все мировоззрение этрусков основывалось на представлении, что жизнь человеческая предопределена волей богов. И поэтому прежде всего они стремились узнать эту волю по полету птиц. Затем определялось священное место — центр города, по-латыни называемый *mundus*. Через него проводились две главные оси, одна с востока на запад — *decumanus*, вторая с севера на юг — *cardo*. Позже эту традицию переняли римляне. С интересными подробностями этот обычай описал римский составитель словарей Фектий, живший во II в. н. э.

Основатель города, покрыв голову углом плаща, прокладывал вокруг территории будущего города борозду с помощью плуга с бронзовым лемехом. При этом вспаханный пласт должен был ложиться во внутрь круга, чтобы в будущий город текло богатство. Плуг тянули запряженные бык и нетель. Бык — с внешней стороны, чтобы город был сильным по отношению к внешним врагам, нетель — с внутренней, как символ будущего изобилия в городе. Борозда в представлении людей того времени играла ту же роль, что и крепкие стены. Она разделяла два мира — тот, что находился под защитой богов, и тот, который они не защищали. Однако спустя некоторое время жители города, как правило, уже обносили его не только символической, но и настоящей стеной. Стоит упомянуть, что, судя по легенде, точно так же был основан и Рим.

Когда археологи обратили внимание на ранние этруские города, их удивило, что многие своей планировкой вовсе не отвечают тем идеальным принципам градостроительства, которые римляне в совокупности называли этруским ритуалом. Обнаружилось, что планировка этих городов в значительной степени хаотична, что все, часто многочисленные, изгибы и повороты обуславливались характером местности. И лишь в городах, основанных позже, около VI—V вв. до н. э., стала применяться строгая планировка с системой взаимно перпендикулярных улиц и жилых кварталов. В тот период эти урбанистические принципы были положены в основу городов не только Этрурии, но и всего тогдашнего цивилизованного Средиземноморья, и в этом отношении этрускам нельзя отдать

пальмы первенства. Лишь римляне считали их первооткрывателями подобного способа строительства городов.

Шахматный принцип планировки был воплощен в жизнь при строительстве этрусского города, основанного в VI в. до н. э., название которого до сих пор точно не установлено. Этот город, расположенный у Марцаботто недалеко от Болоньи и, вероятно, называвшийся Миса, просуществовал недолго. Уже в IV в. до н. э. он пал жертвой нашествия кельтов. И то, что судьба обошлась с обитателями города безжалостно, для археологов обернулось удачей. Они обнаружили настоящий этрусский город, жизнь которого внезапно оборвалась, и поэтому все, что сохранилось, осталось в первозданном виде, нетронутое последующими историческими переменами, перестройкой и развитием города — короче, они открыли этрусскую Помпею. Перед глазами археологов предстали остатки небольшого поселения, расположенного на важном торговом пути.

Главные улицы этого города были на удивление широкими — вместе с мостовой и тротуарами они достигали 15 м ширины. Параллельно и перпендикулярно им были расположены более узкие улочки, вдоль которых когда-то стояли дома. От них то тут, то там сохранились лишь каменные основания. Все остальные строительные материалы — дерево и кирпичи из необожженной глины — оказались менее долговечными. Над городом возвышался акрополь, в котором были обнаружены остатки храмов и алтарей. Улицы, по всей вероятности, были мощеными, и город имел свою канализационную сеть. Известна также система обеспечения города питьевой водой. В акрополе, вблизи от источника, был сооружен из туфа крытый водный резервуар. От него отводились четыре канала, тоже из туфа. Трубопровод, по которому вода из резервуара поступала в город, был обнаружен сравнительно недавно — в 1954 г., несмотря на то, что отдельные его трубы находили с давнего времени. Они сделаны из терракоты, один их конец шире, другой — уже, чтобы их можно было вставлять друг в друга.

Неизбежным дополнением городов является и некрополь с его не очень богатыми, но и не слишком бедными могилами.

Наряду с этрусской Помпеей интерес специалистов возбудила и этрусская Венеция — расположенный неподалеку г. Спина. Первые раскопки в окрестностях Спины, которая в V в. представляла собой самый крупный этрусский порт на Адриатическом море, были предприняты в 1922 г., но не дали никаких результатов. Город обнаружить не удалось.

Новая попытка была предпринята в 1953 г. Вначале ничто не свидетельствовало о том, что на этот раз она будет успешной. Однако годом позже итальянские археологи Нерео Альфиери и П. Е. Ариас обнаружили множество захоронений, на основе которых они сделали заключение, что Спина находится где-то неподалеку.

Однако точно определить местоположение города на побережье, изрезанном лагунами, было нелегко. Правда, греческий географ Страбон подробно описал место, где располагался город. Но его сведения, как оказалось, были крайне ненадежными.

Неожиданно пришло сообщение, что христианский храм Девы Марии, построенный в VI в. н. э., расположен на том месте, где когда-то находилась языческая святыня, вблизи одного из рукавов р. По, называемого Старый По. Однако прежде чем начинать раскопки, необходимо было проверить это столь важное для этрускологии сообщение. Археологи взялись за архивы, и действительно, в 1956 г. им удалось обнаружить документ, который подтвердил это сообщение.

Альфиери и Ариас воспользовались также данными аэрофотосъемки. Результаты съемки были неожиданными. На фотографиях запечатлелся древний канал длиной в 3 км и шириной в 30 м, с помощью кото-

рого Спина соединялась с морем. Канал точно в соответствии с этрускими градостроительными принципами был сориентирован с востока на запад и часть его представляла собой десимапус Спины. Другие, более узкие каналы шли параллельно или перпендикулярно главному каналу. Так археологи обнаружили, что Спина была городом каналов. Ее дома строились на сваях, а жители передвигались по городу по воде.

Рис. 1. Бронзовый сосуд из раскопок в Черветери (этот и остальные рисунки взяты из книги: «Etruscan Culture. Land and People», Malmo, 1962)

Спина была портом, значение которого особенно возросло во второй половине V в. до н. э. после того, как сиракузцы разгромили этрусков в Тирренском море и фактически закрыли им доступ в этот водный бассейн. В Спину корабли доставляли из Аттики керамические изделия, из Спины главным образом вывозилось зерно, выращенное в долине р. По, янтарь, поступающий сюда с севера, и другие изделия. Порт находился на перекрестке дорог, соединяющих Этрурию с Грецией, и был местом, где этруски смешивались с греками.

Греки здесь занимали такое же важное положение, как и знатные этруски. Об этом свидетельствуют богатые греческие могилы. Некрополь Спины вообще представлял собой наглядную картину социального расслоения жителей города. Здесь можно встретить и убогие могилы, и склепы, не позволяющие сомневаться в былом богатстве захороненных в них людей. Спина, которая для своего времени была городом космополитическим, что вообще характерно для морских портов, рассказала о себе еще далеко не все. Некоторые археологи считают, что именно здесь, в этой греко-этрusской среде, скорее всего может быть найдена греко-этрusская билингва — ключ к расшифровке этрусского языка.

Открывая остатки этрусских городов, археологи, как остроумно заметил Анри Гаррел-Курте, автор книги «Италия в эпоху этрусков», находят города без домов. По тому, что осталось от фундаментов бывших строений, очень трудно судить о том, как выглядел этрусский дом. И тем не менее создать некоторое представление об этрусских домах мы можем. Путеводителем при этом служит форма этрусских склепов, многие из которых, несомненно, строились с таким расчетом, чтобы они точно походили на то помещение, где человек жил, но при этом были намного прочнее, чем жилье.

В этрусских захоронениях встречаются также урны, видом напоминающие дома или хижины. У одних — более ранних, имеется двухскат-

ная крышка, у более поздних, например у известной каменной урны из Клузия, в крышке имеется отверстие. Такое же отверстие можно встретить и у некоторых склепов. Это отверстие является не чем иным, как копией окна в крыше жилищ, через которое в центральное помещение дола попадал свет, а также стекала дождевая вода в находящийся в полу бассейн. Конструкция крыши и отверстия в ней была не простой и не сразу была найдена. Этруски, ценившие воду, сумели и в этом случае найти наилучшее решение, и римляне переняли их опыт.

Судя по всему, в римских домах есть немало элементов, заимствованных у этруских жилых зданий, и этот факт также помогает нам реконструировать этруские жилища.

Если мы положим рядом план одного этруского склепа и план римского дома, то их сходство будет просто разительным. Этот склеп был обнаружен в середине прошлого века недалеко от Перуджи. Он довольно велик по размерам, входить в него надо по крутым ступеням, ведущим к каменным дверям. За ними расположено самое просторное помещение, которое напоминает атрий—центральное помещение римского дома. По правую и левую сторону от центрального зала расположены другие, меньшие комнаты, точно такие же, какие имелись у атриев жилых домов. Атрий гробницы ведет в таблинний. В римских и, несомненно, в этруских домах таблинний представлял собой комнату главы дома. И действительно, в таблиннии гробницы находилась урна Арнта Великого, главы многочисленного рода Великих — Волумниев. Рядом с его останками находились урны других членов его семьи. Склеп Волумниев, относящийся к III в. до н. э., является точной копией жилого дома.

Благодаря находкам, обнаруженным в этруских склепах, мы знаем и то, как был оборудован этруский дом изнутри. В Клузии была даже найдена коллекция миниатюрной посуды, которой пользовались этруские хозяйки.

Мебель у этрусков была простой. Она обычно состояла из нескольких предметов. Для сна служили лежанки. Но ими с успехом пользовались и во время трапез, когда этруски лежа, опираясь на один локоть, брали пищу, подаваемую на низком, прямоугольном столике с тремя ножками. Этруски пользовались также и более высокими столами с четырьмя ножками. Считают, что к мебели этрусков относились и кресла, подобия которых, выполненные из терракоты и бронзы, встречаются в могилах клузийского некрополя. На них стояли канопы — урны, своей формой напоминающие человеческое тело. В нескольких могилах эти кресла были сделаны из камня. В действительности же этруские кресла были скорее всего плетеными, позже их сменили легкие греческие сидения. Шкафа для одежды в этруском доме не найдешь, так как этруски для этой цели пользовались сундуками. Больше всего из домашней утвари этруски ценили не мебель, а подсвечники, треножники, жаровни и другие изделия, нередко представляющие собой настоящие произведения искусства.

Мы знаем также, как одевались этруски. Источником этих сведений являются произведения этруских скульпторов и фрески, сохранившиеся на стенах могил. К мужскому платью наряду с другими предметами туалета относился короткий плащ, который надевался через голову. Он ниспадал с левого плеча, в то время как правое оставалось открытым. На одном рисунке, относящемся к VI в. до н. э., в таком плаще изображен даже царь. Плащ назывался «тебенна» и был обычно пурпурного цвета, по краям отделан вышивкой. От этрусков эту часть одежды переняли римляне. Впоследствии в Риме тебенну носили либо в качестве жреческой одежды, либо в качестве воинского плаща.

Намного более распространена была в Риме удлиненная тебенна, известная у римлян под названием «тога». Классически строгую форму та-

кой удлиненной тебенны мы видим на бронзовой скульптуре Оратора, относящейся к I в. до н. э.

У женщин с течением времени установилась мода на свободно ниспадающие льняные туники. Наверху туника состояла из двух частей, которые скалывались на плече. Рукава были необязательны. На тунику, которая свисала многочисленными складками и часто перепоясывалась, сверху накидывался плащ белого цвета, украшенный красной или черной каймой.

Наряду с простой одеждой существовали и более сложные наряды. Этрусские фрески изображают танцовщиков, танцовщиц и музыкантов в особенно ярких платьях, поражающих своими линиями и формой. Однако вполне возможно, что это были специальные наряды, предназначенные для особо торжественных случаев.

Обувь этрусков была довольно разнообразной. Они носили, например, кожаные остроносые туфли, перепоясанные ремешками, кожаные или матерчатые пантофли с вышивкой на шнурках спереди, сандалии без каблука, иногда на деревянной подошве и др.

Богатые женщины носили также множество украшений. Этим они отличались от представительниц менее зажиточных слоев. Раскопки свидетельствуют не только об изысканном вкусе этруских женщин, но и о тщеславии некоторых из них, кичившихся количеством украшений. Доказательством могут послужить золотые и серебряные драгоценности, которыми в буквальном смысле слова была усыпана Лартия, женщина, похороненная в Цере, в могиле, названной по имени тех, кто ее нашел, Реголини — Галасси. Это свидетельствует о том, сколь богатыми должны были быть привилегированные слои этрусского общества и в какой роскоши они жили. В одной из гробниц в Марсильяне была найдена изумительная золотая пряжка, украшенная уточками, меандрами и парой золотых львят. Много драгоценностей, особенно пряжек, было найдено и в Ветулонии. Этруски были непревзойденными мастерами во многих ремеслах.

Итак, по свидетельству археологии, этрусские женщины одевались довольно пышно. Этот факт наводит на следующий вопрос: какое положение этрусские женщины занимали в обществе?

Этрускологи сходятся во мнении, что главой в этрусской семье, так же как и в римской, был мужчина. Однако этрусские женщины — в отличие от римлянок и гречанок — пользовались в семье большим авторитетом и принимали намного большее участие в общественной деятельности. Поведение этруских женщин настолько отличалось от привычного поведения римлянок и гречанок, интересы которых ограничивались преимущественно семьей и домом, что оно вызывало сомнения в их нравственности. Аристотель, ссылаясь на утверждения историка Феспомпа, жившего в IV в. до н. э., обвиняет этрусских женщин в том, что они пировали вместе с мужчинами, лежа под одним плащом. Римский драматург Плавт, живший в III—II вв. до н. э., писал, что этрусские девушки скапливали приданое, занимаясь проституцией.

Рис. 2. Терракотовая амфора из раскопок в Тарквиниях.

Каким был истинный идеал этрусской женщины, мы не знаем. Нам известно лишь, как представляли себе совершенную женщину римляне. Она должна была быть *pudica, lanifica, domiseda*, т. е. быть целомудренной, домоседкой, уметь ткать. Естественно, многие римлянки восставали против этого шаблона. Из «Жизнеописания императора Августа» Светония мы знаем, что Август носил одежду, которую ему изготовила жена Ливия вместе с дочерью Юлией и внучкой, тоже Юлией. Но создается впечатление, что обе Юлии охотнее пряли и ткали, чем исполняли обет целомудрия. Августу, который очень ценил в семье добро, порядочность, ничего не оставалось, как в конце концов выгнать их обеих.

Известны меры, направленные на ограничение свободы нравов римских женщин. Тот же император Август разрешал замужним римлянкам наблюдать за сражениями гладиаторов только с высоких ярусов. А на турнирах атлетов они вовсе не имели права присутствовать. А греческие женщины? За исключением жрицы богини Деметры, они не имели права принимать участие в Олимпийских играх. Этрусским же женщинам никто не запрещал принимать участие в играх и танцах. Роскошно одетые, они могли присутствовать на всех турнирах и даже председательствовать на них.

Отличия в нравах этрусских и римских женщин видны и по рассказу-легенде Тита Ливия. Ливий описывает событие, которое произошло в тот период, когда Римом правил этрусский царь Тарквиний Гордый. Римляне под его предводительством пытались овладеть городом Ардеи. А так как с ходу этого сделать не удалось, то они вынуждены были приступить к длительной осаде. Во время осады, как рассказывает Ливий, царские сыновья устраивали совместные пиршества и попойки. Во время одного из сборищ у Тарквиния Коллатина разговор зашел о женах. Каждый стал хвалить свою супругу. Тарквиний Коллатин сказал, что не нужно лишних слов, и предложил всем убедиться, насколько его жена превосходит остальных. Молодые мужчины не долго думая повскакали на коней и в ту же ночь домчались до города, где их ожидали жены. Они обнаружили, что Лукреция сидит дома и прядет, а ее свояченицы проводят время в обществе мужчин и женщин, наслаждаясь роскошными трапезами. По рассказу Ливия, самой достойной оказалась Лукреция, в образе которой воплощен римский идеал женщины и жены. И действительно, подчеркивает Ж. Эргон в книге «Жизнь этрусков», Лукреция была среди этих женщин единственной римлянкой, жены других Тарквиниев имели этрусскую кровь. Однако об этой важной подробности Ливий умалчивает.

Образ развлекающихся и пирующих этрусских женщин соответствует и тому, что изображено на настенных картинах в склепах, на которых этрусские женщины возлежат за трапезой. В ранний период они располагались на ложе вместе с мужчинами, и лишь позднее, видимо, у римлянок научились большей воздержанности — они находятся сзади и едят сидя.

Этрусских женщин нельзя было ограничить четырьмя стенами их дома. Общественная деятельность привлекала влиятельных представительниц этрусских семей, ибо именно на этом поприще они могли проявить свою инициативу и оказаться в гуще событий. Сохранились предания, в которых рассказывается о том, как женская воля проявлялась в общественных делах.

Одно из таких преданий — легенда о Танакил, жене полумифического этрусского царя Тарквиния Приска. Он стал римским царем благодаря своей жене. Однако Танакил была не только тщеславной. Предание приписывает ей и другие качества. Как и многие из этрусков, она умела толковать предзнаменования. Этим искусством она воспользовалась, когда дело коснулось ее самой. У Сервия Туллия, сына рабыни

из тарквинийского дворца, когда он был еще грудным ребенком, воспламенилась головка. Поднялся крик, и все бросились тушить пламя, но Танакил, привлеченная шумом, распорядилась, чтобы никто ребенка не касался, пока он сам не проснется. И действительно, как только младенец открыл глаза, сверхъестественное знамение исчезло.

Танакил тайно сообщила своему мужу царю Тарквинию, что его преемником станет именно этот мальчик. Они взяли его на воспитание, и когда он вырос, обручили его со своей дочерью, показав тем самым, что прочат его в наследники трона.

Предсказание Танакил сбылось, причем она сама сыграла в этом активную роль, ибо когда Тарквиний Приск был убит своими врагами, жаждущими власти, она помогла Сервию Туллию занять престол.

В этом предании внимание исследователя больше всего привлекает тот факт, что в борьбе за римский престол в период этрусской династии именно женщина передавала власть мужчинам. Целый ряд ученых исследовали с различных точек зрения легенду о Танакил. В основном они сходятся во мнении, что рассказ Ливия вовсе не обязательно должен основываться на исторических фактах. Именно на примере легенды о Матерне — Сервии Туллии, мы видим, как часто предания взаимно опровергают друг друга.

И в римской среде некоторые влиятельные женщины этрусского происхождения сохранили энергию и привычки, присущие миру этрусков. По крайней мере так считает, основываясь на рассказах римского историка Тацита, французский этрусколог Эргон. Он обратил внимание на то, как Тацит описывает в своих «Летописях» Ургуланию, пользовавшуюся влиянием при императорском дворе. Дружба с императрицей Ливией, женой Августа, вознесла ее, по словам Тацита, «... выше законов... могущество Ургулании было настолько неодолимым для должностных лиц, что, являясь свидетельницей в каком-то деле, которое разбиралось в сенате, она не пожелала туда явиться; к ней пришлось послать претора, допросившего ее на дому...»¹.

Энергия этой влиятельной женщины проявилась и в одном особом случае. Как пишет Тацит, ее внук «... претор Плавтий Сильван (далее Плавт Сильваний) по невыясненным причинам выбросил из окна жену Апронию, и, доставленный тестем Луцием Апронием к Цезарю, принялся сбивчиво объяснять, что он крепко спал и ничего не видел и что его жена умертвила себя по своей воле»². Император Тиберий этой выдумке не поверил и пришел к убеждению в виновности Плавта. Его ждало суровое наказание. Однако решительная бабушка послала внуку кинжал, чтобы он покончил с собой и избежал судебного преследования.

Поведение Ургулании так заинтересовало Эргона, что он решил узнать, чем оно объясняется. Он выяснил, что сын Ургулании женился на девушке этрусского происхождения, на что явно указывает ее имя Лартия. Точно так же поступили и ее внуки. Уже упомянутый Плавт Сильваний женился на Апронии — девушке с этруским именем. Другой внук — П. Плавт Сильваний был женат на Вибии, предки которой также были этруски. У Ургулании осталось еще двое внуков — Авл Плавт Ургуланий и девочка Ургулания, которую Ургулания выдала замуж не за этруска, а за будущего императора Клавдия, увлекавшегося этрусской историей. Вполне возможно, что эта полуимская, полуетрусская обстановка в семье, если не прямо инспирировала, то во всяком случае побуждала Клавдия проявлять интерес к этрусской истории.

Явное стремление сохранить в семье этрускую кровь, не говоря уже об энергичности Ургулании, по мнению Эргона, свидетельствовало

¹ Корнелий Тацит, Сочинения в двух томах, т. I, М., 1969, стр. 58.

² Там же, т. II, стр. 125.

о том, что сама она была этрусского происхождения. Подтверждение своей догадки Эргон пытается найти в отрывке латинской надписи, обнаруженной в Тарквиниях, которая хотя и относится к I в. н. э., но связана с этрусской историей. В этом фрагменте сохранилась часть имени прославляемого героя, точнее лишь буквы ORGOL, которые Эргон дополняет и отождествляет с именем Ургулан или Ургуланий, очень похожим на женское имя Ургулания или Ургуланила.

Положение этрусских женщин в семье и степень их участия в общественной жизни привели к распространению взгляда о матриархате у этрусков.

Мнение ученых о матриархате в Этрурии, однако, зиждется преимущественно на исследованиях Бахофена, известного швейцарского историка права, автора монографии «Материнское право», который видит следы и отзвуки матриархата прежде всего в том, что этруски определяли происхождение человека по женской линии. Утверждения Бахофена проверил немецкий этрусколог и филолог Фридрих Слотти. Он изучил этрусские надписи, в большинстве надгробные, на которых каким-либо способом указывалось происхождение человека, и пришел к заключению, что надписей, на которых происхождение указано по материнской линии, немного. И если, скажем, после имени умершего стоит имя его матери — матронимикон, то, по утверждению Слотти, рядом, как правило, приводится и имя отца — патронимикон. И стоит оно перед матронимиконом. И поэтому, по мнению Слотти, надо осторожно относиться к тому, что в надписях происхождение иногда определяется по матери — это можно объяснить тем, что имя матери было столь же важным, как и имя отца. Ибо, считает Слотти, подобные случаи вовсе не указывают на то, что отец был неизвестен, так же как нельзя считать, что неизвестна была мать, когда происхождение указано по имени отца.

Немаловажное значение, как это выяснил Слотти, имел возраст надписей, на которых наряду с патронимиконом указан и матронимикон. Дело в том, что это сравнительно ранние надписи. Самые ранние из них относятся к IV в. до н. э., большинство же — лишь к III и II вв. до н. э. И Слотти задает закономерный вопрос, почему же этруски таким способом указывают на происхождение лишь в столь поздний период, и следует ли из этого делать вывод, что на более ранней стадии они определяли свое происхождение по материнской линии. А точка зрения, что этрусские надписи, где встречаются лишь патронимикон или имена обоих родителей, свидетельствует об упадке материнского права, по мнению Слотти, несостоятельна.

Ключ к объяснению, почему матронимикон указывался на надгробных надписях, Слотти находит именно в том, что период использования матронимикона ограничивается главным образом III и II вв. до н. э., т. е. тем периодом, когда этруски потеряли уже все или почти все и подчинились Риму. Этрусская аристократия стремилась сохранить и выставить напоказ те привилегии, которые пока еще у нее сохранились, и она стала действовать так же, как в наши дни поступают представители аристократических семей, — стала подчеркивать чистоту этрусской крови. Именно этим, по мнению Слотти, можно объяснить этрусский обычай указывать на происхождение одновременно и по материнской линии.

Бесспорно, эти выводы заслуживают внимания, и после той работы, которую проделал Слотти, надписи, в которых приводятся имена предков, не могут служить доказательством наличия в этруском обществе элементов матриархата. При этом сам Слотти не отвергал возможности, что эти элементы будут обнаружены другим путем. Он исходил из того факта, что этрусские женщины занимали в обществе совсем иное положение, чем древние римлянки.

Теория о матрилинейном наследовании у этрусков является особенно привлекательной для тех, кто склоняется к мысли, что этруски пришли с востока. Дело в том, что в труде Геродота есть такое замечание о малоазиатских ликийцах из Анатолии:

«Они называют себя по матерям, а не по отцам. Если вы спросите мужчину, кто он, он ответит, назвав свою мать и мать своей матери». Греческий историк Феопомп нечто подобное говорил и об этрусках — они якобы имели общих жен, и их дети не знали отцов. Однако весь комплекс этих вопросов еще ждет своего разрешения.

В жизни этруских городов немалое значение принадлежало общественным играм. И в этом увлечении играми этруски нашли верных учеников и последователей в лице римлян, которые интересовались играми, если верить преданию, еще во времена основания Рима.

Ливий рассказывает, что Тарквиний Приск устроил дорогостоящие и великолепно организованные игры в честь своей победы над соседними латинами. «Во время игр проводились конные состязания и выступали кулачные бойцы, в большинстве приглашенные из Этрурии», — заявляет Ливий.

Намного более наглядно, чем античные историки, нам рассказывают о ходе этих игр фрески на стенах одной из этруских могил в Тарквиниях, так называемой могиле Авгуров, так как на стенах изображены фигуры, которые исследователи принимают за авгуров — предсказателей будущего, определявших желания богов по полету птиц. Две фигуры находятся по одной стороне закрытой двери, их жесты можно истолковать как ритуальные движения. По некоторым другим признакам также можно судить, что это жрецы-прорицатели. А в том, что это вероятнее всего авгуры, нас убеждают нарисованные в нескольких местах птицы.

На фресках могилы Авгуров перед нами открывается страшный мир этруских обычаев, которые соблюдались особенно при похоронах знати. Обычным зрелищем были бои в честь умершего, причем чаще всего драться между собой заставляли пленных. И это были не простые кулачные бои, но кровавые драки с различными жестокими приемами.

Фрески на стенах могилы знакомят нас с двумя видами боев. На первой — двое обнаженных мужчин изображены за секунду до того, как они бросятся в бой. Художнику удалось отразить решимость каждого соперника выйти из борьбы победителем. Мускулистые тела свидетельствуют о могучей силе, суровое выражение лиц предвещает безжалостную борьбу.

Вторая сцена намного более жестока. В фантастическом наряде с уродливой маской на лице здесь изображен полусмешной, полудемонический человек по имени Ферсу, который следит за кровопролитной схваткой собаки с другим человеком. Борющийся обнажен, но голова его закутана тканью или кожей, так что он должен биться с раздраженным и голодным псом вслепую. И хотя у него есть палка, но пользоваться ею он может лишь в ограниченной степени, так как она обмотана веревкой, которая захлестнута петлей вокруг его левой ноги. Один конец веревки привязан к запястью его правой руки, в которой он держит палку, другой конец веревки держит в руке Ферсу.

Смысл изображенного ясен. Осужденный в этом последнем бою может пользоваться палкой только в тех пределах, которые определяются длиной веревки. Ферсу же может по своему усмотрению ее укорачивать. Сражающийся может сам себя повалить на землю, если он слишком сильно дернет за веревку, привязанную к ноге. В другой руке Ферсу держит другую веревку, привязанную к шее собаки, где, вероятно, имеется какое-то приспособление, предназначенное для того, чтобы разозлить пса, если он неожиданно ослабеет или успокоится. Ферсу, таким образом, выступает в роли кровожадного дирижера, который, с одной стороны, должен защищать собаку от слишком решительной обороны че-

ловека, с другой — обеспечить зрителям по возможности более длительное, острое и кровавое зрелище.

Но было бы неправильным видеть только эту, трудно для нас объяснимую сторону этрусской жизни. Давайте обратим внимание на иные характерные черты, изображенные на картинах другой могилы в Тарквиниях, так называемой «могилы охоты и рыбной ловли».

Рис. 3. Терракотовая ваза в форме головы демона

Это почти лирические сцены, выполненные в реалистической манере, в которых неизвестный этрусский художник проявил тонкий вкус и при проработке отдельных деталей и при объединении их в общую композицию. В идиллической картине жизни рыбаков и в сцене возвращения охотников с успешной охоты зритель видит переданную художником красоту самой жизни. Состояние покоя, характерное для рыбаков, как бы передается и возвращающимся охотникам. Тема, которая, казалось бы, скорее побуждает художника изобразить шумную и радостную толпу мужчин, раззадоренных погоней и хвастающихся своей

добычей, здесь подана так, что вас охватывает чувство спокойствия, приподнятости, даже какой-то отрешенности от реальной жизни, несмотря на то, что каждый отдельный образ вполне реалистичен.

Обитатели древних этрусских городов нередко болели. И, вероятно, в искусстве врачевания этруски достигли очень высокого уровня, ибо оно вошло в пословицы и поговорки, которые намного пережили саму этрусскую цивилизацию.

Известно, что этруски знали целебные свойства источников и некоторых растений. Феофраст, греческий ученый, живший в IV—III вв. до н. э., в своем сочинении о растениях пишет следующее: «... Эсхил говорит в своих элегиях, что этруски — это народ, знающий лекарства». Римский историк Мартиан Капелла, живший в IV—V вв. н. э., подтверждает это словами: «Этрурия, прославленная открытием лекарств».

По этрусским произведениям изобразительного искусства нетрудно определить, до какой степени этрускам была известна анатомия человеческого тела. Но, кроме этого, мы располагаем куда более точными данными, свидетельствующими об их знании внутренних органов животных и человека.

В развалинах храмов, а также в специальных ямах вблизи от них было обнаружено множество глиняных, мраморных и бронзовых изображений рук, ушей, ног, а также внутренних органов животных и человека.

Эти изображения, называемые *ex-voto*, этруски жертвовали богам, заботящимся о здоровье людей и животных, и просили их, чтобы они помогли вылечиться от болезни или сохранили от падежа скот, или же благодарили божества за выздоровление. Вотивы прикреплялись к стенам в святых местах. Когда те оказывались сплошь залепленными вотивами, жертвоприношения снимали и складывали в специальных священных ямах, так как их нельзя было осквернять.

В первые десятилетия XX в. ученые придавали этим изображениям внутренностей человека и животных очень большое значение, считая их уникальными древними свидетельствами анатомических знаний эт-

русков. Но со временем они пришли к выводу, что многие из этих изображений отдельных органов содержат грубые ошибки. И поэтому нынешние оценки вотивных приношений намного более сдержанны. Считается, что это изделия, создававшиеся этрускими ремесленниками по за-

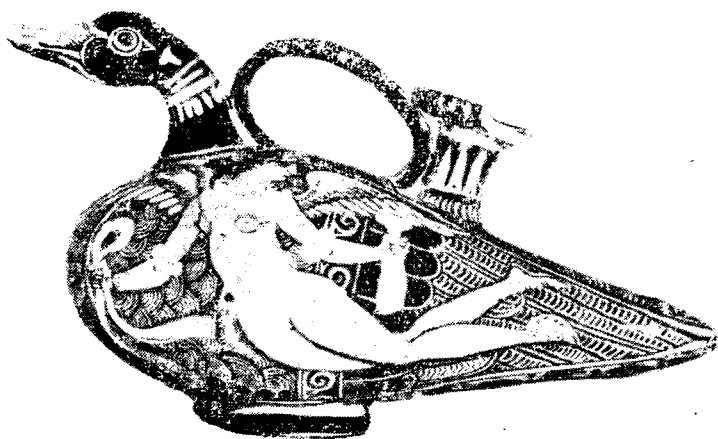

Рис. 4. Терракотовый сосуд

казу в качестве жертвоприношений богам. При этом все зависело от мастерства и таланта исполнителя. Точность при изображении органов не считалась важной. И поэтому по вотивам нельзя судить об уровне знаний этрусков в области анатомии. Казалось бы, раз уж этруски занимались предсказаниями по внутренностям животных, они должны были в совершенстве знать строение их тела. Но и этот вопрос до сих пор не совсем ясен. Бесспорно, что гаруспики, узнававшие волю богов по внутренностям животных, в общих чертах знали расположение некоторых органов, их форму и окраску. Но мы не должны забывать, что внутренние органы животных их интересовали вовсе не с научной точки зрения, так что наверняка они не слишком обогатили знания этрусков в области анатомии животных.

Намного больше внимания этруски заслуживают как специалисты в области стоматологии. В Ливерпульском музее экспонируются два зубных протеза, найденные в этруских могилах. Первый из них представляет собой четыре золотых кольца, которые стягивали четыре зуба. Сохранились лишь два крайних здоровых зуба, в то время как искусственные зубы выпали. Во втором протезе, наоборот, сохранились два искусственных средних зуба. Протезы были сделаны таким образом, что каждый из четырех зубов был обтянут золотым кольцом, а искусственные зубы, кроме того, были еще и приклепаны. Некоторые протезы были сделаны так умело, что они не ломались до самой смерти их владельца. По всей вероятности, вблизи Старой Фалерии, где был найден череп с сохранившимся зубным мостом, когда-то работал опытный протезист.

Другой вид протеза предназначался для укрепления шатающихся зубов. С этой проблемой этруские дантисты справлялись с помощью тонкой золотой проволоки, которая словно спираль опоясывала основание зуба. Наряду с протезами этруски ставили на испорченные зубы золотые и терракотовые коронки.

В основе успехов этрусков в зубопротезировании лежит все то же их высокое мастерство, которым они отличались при изготовлении различных изделий и благодаря которому завоевали столь широкую попу-

лярность. Оно лишь проявилось в данном случае в не совсем обычной области деятельности.

Вот то главное, что можно рассказать о жизни в этруских городах. К нашему рассказу можно прибавить много подробностей, которые бы его дополнили и сделали ярче, но по существу ничего бы не изменили.

Мы понимаем, что эта картина слишком однобока и фрагментарна, так как в ней не показан будничная жизнь этрусского города, отсутствует жизнь простых людей с их волнениями, надеждами и заботами.

Нелегко определить и то, что надежно укрыто за внешними явлениями — о чем эти люди, жившие в древности, думали, что чувствовали и переживали. И все же кое-что, пусть небольшое, мы о них знаем благодаря их своеобразной религии и тем удивительным произведениям искусства, которые после них сохранились.

Перевод П. Н. Антонова

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков), М., 1958; Н. Н. Залесский, К истории этрусской колонизации Италии в VII—IV вв. до н. э., Л., 1965; Н. Н. Залесский, Этруски в Северной Италии, Л., 1959; А. И. Немировский, История и культура раннего Рима, Воронеж, 1964 (См. приложение: Л. А. Ельницкий, Элементы религии и духовной культуры древних этрусков, стр. 182—204); А. И. Немировский, История раннего Рима и Италии, Воронеж, 1962; З. Майяни, Этруски начинают говорить, М., 1966 (пер. с французского); А. И. Харсекин, Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности, Ставрополь, 1963.

N. Alfieri, La scoperta dell'abitato di Spina, Tolentino, 1957; F. Altheim, Der Ursprung der Etrusker, Baden-Baden, 1950; L. Banti, Die Welt der Etrusker, Zürich, 1960; P. Bargellini, Die Kunst der Etrusker, Hamburg — Wien, 1960; R. Bloch, Les Etrusques Paris, 1954; P. Ducati, Etruria antica, vol. 1—2, Torino, 1927; P. Ducati, Le problème étrusque, Paris, 1938; J. Heurgon, La vie quotidienne chez les étrusques, Paris, 1961; K. Müller, W. Deecke, Die Etrusker. Vorwort zum Nachdruck, Bibliogr. Überblick, Graz 1965; M. Pallottino, La civilisation étrusque, Paris, 1949; M. Pallottino, Etruscologia, Milano, 1947; M. Pallottino, L'origine degli Etruschi, Roma, 1947; E. Richardson, The Etruscans. Their art and civilization, Chicago — London, 1964; H. H. Scullard, The Etruscan cities and Rome, Ithaca, 1967; A. Trombetti, La lingua etrusca, Firenze, 1928; O. W. Vacano, The Etruscans in ancient world, London, 1960; O. W. Vacano, Die Etrusker in der Welt der Antike, Hamburg, 1961.